

КЕРАМИКА СУПЕРСТРАТНОГО ОБЛИКА ИЗ ПАМЯТНИКОВ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В археологии эпохи бронзы степной Евразии одной из самых острых, не смотря на 75-летнюю историю изучения, продолжает оставаться проблема бегазы-дандыбаевской культуры (далее – БДК). Ее острота возрастает по мере находок керамики, близкой посуде из бегазы-дандыбаевских могильников, на территориях, как граничащих с основным ареалом культуры, так и весьма отдаленных. Другим фактором увеличения интереса к БДК являются попытки глобальных реконструкций исторических процессов, проходивших в древней Евразии. При этом, обычно без соответствующей аргументации, декларируются карасукское происхождение БДК, миграции на территорию БДК, или, наоборот, масштабные миграции бегазы-дандыбаевцев за пределы традиционных границ. Зачастую само содержание БДК разные исследователи понимают по-разному. Одна из главных причин этого кроется в игнорировании процедуры должного анализа археологических источников, прежде всего керамики, что и создает иллюзорное понимание БДК и процессов, с нею связанных. Обзор состояния изученности БДК и сопряженных с ней проблем демонстрирует широкий круг нерешенных вопросов.

Заслуга формирования объемного облика этой культуры в науке принадлежит известному казахстанскому ученому – А.Х. Маргулану. Масштабные полевые исследования Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Х. Маргулана, начавшиеся в конце 40-х годов XX века, привели к открытию памятников разных эпох. Но славу исследователю обеспечили раскопки мавзолеев периода поздней бронзы в могильниках Бегазы, Бугулы III, Айбас-Дарасы, Сангру I и др. Результатом многолетних экспедиционных и камеральных исследований стала объемная монография 1979 г., казалось бы, исчерпывающе характеризующая культуру населения Сарыарки в период поздней бронзы. Однако, до сего времени идет полемика, самым спорным предметом которой является проблема происхождения комплексов из погребальных сооружений, названных А.Х. Маргуланом мавзолеями. К сожалению, все мавзолейные погребения к началу работ археологов оказались ограбленными. Когда-то богатый набор поминально-погребальных приношений, представлен, в основном, керамикой, своеобразной и неоднородной по составу. Интерпретации керамики из погребений БДК приводят к подчас противоположным выводам.

Первый памятник БДК, «курган» 11 могильника Дандыбай, был раскопан в 1933 году М. П. Грязновым на правом берегу р. Шерубай-Нура, у нынешнего поселка Топар, недалеко от г. Караганды. Автор отчета о раскопках в Центральном Казахстане, начальник Нуринской

археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры П.С. Рыков, отнес сооружение 11 могильника Дандыбай к «карасукскому типу» памятников (Рыков П.С., 1935, с. 43, 67).

Как слабовыраженные карасукские интерпретировал находки Нуринской экспедиции в Дандыбае С.В. Киселев. Он писал, что в Казахстане признаки карасукского влияния единичны и не характерны (Киселев С.В., 1951, с.143, 178).

Образцом скрупулезного археологического анализа стала публикация материалов из Дандыбая М.П. Грязнова 1952 г., особенно в той ее части, которая касается керамики. Изучив дандыбаевскую коллекцию из 12 сосудов (рис.1), М.П. Грязнов установил два способа их изготовления. Три сосуда были сформированы ленточным приемом (рис.1, 1,2,4). Для других сосудов был установлен способ формовки выдавливанием (выколачиванием) из кома глины (рис.1, 3,5-12). На основании внешних признаков (форма сосудов, обработка их стенок, тип орнамента и его техника) и способа изготовления М.П. Грязнов разделил дандыбаевскую коллекцию на две группы. Группу 1 составили горшки, изготовленные ленточным способом (рис.1, 1,2,4). Ко второй группе были отнесены сосуды, сформованные из кома глины (рис.1, 3,5-12). В керамике 2-й группы ученый увидел аналогии карасукской керамике Сибири. Привлекая только опубликованный тогда материал из могильника Бегазы, он выделил локальный вариант карасукской культуры, образовавшийся в процессе развития андроновского населения Центрального Казахстана (Грязнов М.П., 1952, с.160, 161). Как видим, М.П. Грязнов писал об эпохальном явлении, выразившемся в формировании сходных культур, а не о карасукском происхождении комплексов Дандыбай и Бегазы. Позднее на территории от Енисея до Тобола он выделил 10 вариантов карасукской культуры, включив в их число и центрально-казахстанские памятники (Грязнов М.П., 1956). Это не могло не способствовать распространению идеи карасукского происхождения БДК.

В своем диссертационном исследовании К.А. Акишев обосновал дандыбаевский этап как позднюю стадию бронзового века Центрального Казахстана. Он считал, что «возникновение своеобразной культуры дандыбаевского этапа явилось не результатом влияния карасукской культуры Минусинска, хотя и нельзя отрицать его роли, а результатом развития культуры алакульского этапа, на достижениях которого она выросла» (Акишев К.А., 1953, с.9).

Мнение о карасукском происхождении БДК неоднократно подвергалось критике со стороны К.А. Акишева и А.Х. Маргулана, которые считали, что БДК «возникла не в результате переселения племен карасукской культуры..., а в результате прогрессивного и последовательного развития культуры атасуского этапа» (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с.68, 69). Она «развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири» (Маргулан А.Х., 1979, с. 333). Разумеется, в этих тезисах отразилось и влияние весьма популярной в те годы периодизации К.В. Сальникова

(происхождение культуры поздней бронзы непосредственно от атасуских-алакульских древностей), и наследие эволюционизма. Однако, авторы монографии 1966 г., как следует из контекста, не избежали противоречий. Так, могильники поздней бронзы были отнесены к бегазы-дандыбаевской культуре, а поселения Атасу I, Улутау, Суук-Булак, Бугулы II, Каркаралинское, давшие керамику валикового типа, – лишь к бегазы-дандыбаевскому времени, а в главе четвертой – к замараевской культуре (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с.257). Вероятно, коллектив авторов не смог выработать общую позицию по проблеме соотношения синхронных могильников и поселений. Причиной этого стали совершенно разные керамические комплексы. Посуда из поселений была представлена нестратифицированными находками, среди которых были, преимущественно фрагменты толстостенных грубых горшков, часто с валиком по шейке, близкие первой группе сосудов из Дандыбая. Из могильников происходили изящные, нарядно орнаментированные небольшие сосуды типа керамики группы 2 Дандыбая. Вероятно, принципиальная разница посуды из поселений и могильников и стала причиной несогласованности мнений авторов.

В немалой степени распространению идеи о карасукской принадлежности бегазы-дандыбаевских мавзолеев способствовала книга Н.Л. Членовой 1972 г. На основании колоссального материала исследовательница попыталась обосновать существование «единой культурной общности на территории, ... протянувшейся от Тихого океана до Центральной Европы, Территория эта охватывает Маньчжурию, Ордос, Монголию, Забайкалье, Туву, Минусинскую котловину, лесостепную полосу Сибири, частично Казахстан, территорию Хорезма, Северный Иран, Северный Кавказ, лесостепную Украину, Крым, Венгрию и область распространения лужицкой и гальштатской культур Европы (Польша, Силезия, Югославия, Австрия, Бавария)». По мнению Н.Л. Членовой, для культур этой общности характерны определенные типы стрел, кинжалов, конского убора, ножей, керамики, украшений и обряда погребения (Членова Н.Л., 1972а, с.133 и след.). В эту общность были включены также памятники Центрального и Восточного Казахстана, могильник Тагискен. Однако, гипотеза карасукской общности не нашла поддержки и не получила распространения. Причиной этому стали слабые аргументы исследовательницы, состоявшие в привлечении нетипичных и случайных фактов, включение в круг памятников карасукской общности некарасукских древностей, в частности, памятников с валиковой керамикой Восточного Казахстана (Членова Н.Л., 1972, с. 182, табл.12). Масштабы и значение карасукской культуры за десятилетия исследований были неоправданно преувеличены, на самом же деле она – явление локального типа, занимает территорию Минусинской котловины (Хаврин С. В., 1994).

В 1970 г. Е.Е. Кузьмина выделила на этапе поздней бронзы Центрального Казахстана две группы памятников, имеющих «различную культурную традицию» (Кузьмина Е.Е., 1970) . Характерным памятником I

группы является могильник Айдарлы (незаслуженно остающийся вне поля зрения археологов – В.В.). «Погребения совершены по обряду трупоположения в ориентированных на запад каменных ящиках, заключенных в квадратные каменные ограды. В могилах преобладает неорнаментированная керамика, близкая семиреченской. Наряду с ней изредка встречается посуда с налепным валиком и сосуды, характерные для второй группы» (Кузьмина Е.Е., 1970, с. 45, 46). Группу II составляют могильники Ортау II, Аксу-Аюлы II, Бельасар, ограда 60 и др. Типы надмогильных сооружений и обряд погребения отличаются разнообразием и отсутствием строго выработанных форм. Особенности этих памятников являются большие размеры концентрических круглых или подквадратных сооружений с цистовой оградой в центре, заключающей каменный ящик, применение глиняной обмазки и забутовки щебнем. Распространены три способа погребения: сожжение (Аксу-Аюлы II, курган 2), вытянутое трупоположение (Аксу-Аюлы II, курган 3). Преобладает скорченное трупоположение. Специфична посуда этих могильников: богато орнаментированные горшки с шаровидным туловом на поддоне... Эта керамика сосуществует с посудой айдарлинского типа без орнамента (Аксу-Аюлы II) и с керамикой с налепным валиком (Ортау II), что дает основания считать обе группы памятников Центрального Казахстана одновременными. Отсутствие устойчивых традиций в погребальном обряде и керамическом производстве, по мнению Е.Е. Кузьминой, свидетельствует о том, что население было по своему составу неоднородным и процесс ассимиляции еще не завершился (Кузьмина Е.Е., 1970, с. 46). С андроновскими традициями генетически связаны семиреченские и айдарлинские, погребальный обряд которых восходит к алакульскому (Кузьмина Е.Е., 1970, с. 48). Плавное развитие андрона на территории Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы было прервано проникновением инородного населения, шедшего, по-видимому, из Центральной Азии и Южной Сибири. Размытые формы ассимиляции этого пришлого населения местными андроновскими племенами отражают памятники, составляющие II группу (Кузьмина Е.Е., 1970, с. 48).

Нельзя не прокомментировать тезис о синхронизации погребений двух групп. Здесь явное несоответствие. Айдарлинские могилы содержат керамику валикового типа (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. XVIII), а сосуд из кургана 3 могильника Аксу-Аюлы II, без сомнения, федоровский (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 83, 2), т.е. их синхронизация невозможна. К федоровскому типу памятников относится, судя по керамике, и могильник Ортау II (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 87, 1).

В 1980 г. Е.Е. Кузьмина публикуя совместно с И. Кожомбердиевым находки из Шамшинского клада, вновь акцентирует внимание на карасукском участии в формировании БДК. «В конце эпохи бронзы развитие андроновских племен на востоке ареала нарушается вторжением

карасукского населения, в результате которого в Центральном Казахстане складываются памятники бегазинского типа. Последние, безусловно, синхронны позднеалексеевским, что доказывается как единством типов металлических изделий, так и находками в бегазинских погребениях типичной алексеевской керамики с наклепным валиком... (Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980, с. 152).

Мнение о внешнем происхождении культуры с погребениями мавзолейного типа Центрального Казахстана было развито Е.Е.Кузьминой в обобщающей работе по андроновской проблематике 1994 г. Она относит дандыбаевский культурный комплекс «к особой культуре, генетически не связанной с андроновской (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 130). Сопоставляя способ выколачивания (выдавливания по М.П. Грязнову) сосуда из цельного кома глины, известный по карасукским коллекциям и у некоторых современных тюркоязычных народов Сибири (якутов и шорцев), она считает его уникальным и предполагает тюркоязычность карасукцев. Далее Е.Е. Кузьмина пишет: «...в XI-IX вв. до н.э. в Центральном Казахстане преобладало коренное андроновское население, производившее алексеевскую (валиковую – В.В.) и позднефедоровскую посуду, но в его среду внедрилась небольшая тюркоязычная группа, мигрировавшая с востока и занявшая на некоторое время господствующее положение в андроновской среде. Отмечаемая на европеоидных сакских черепах незначительная монголоидная примесь, вероятно, обусловлена участием в этногенезе саков Центрального Казахстана и Киргизии незначительной группы тюрк-дандыбаевцев. Для представителей этой группы сооружались огромные мавзолеи бегазинского типа, куда помещалась парадная дандыбаевская посуда, немногочисленная на поселениях. Вскоре пришельцы были поглощены андроновцами... На позднеандоновской основе сформировалась сакская культура» (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 130,131). Как видим, исследовательница является сторонницей существования в Центральном Казахстане двух культурных традиций – местной и пришлой, карасукской, отразившейся в памятниках БДК. Продолжением этого тезиса стали несколько страниц в книге 2008 г. (Кузьмина Е.Е., 2008, с. 209-213).

На сходных позициях стоял Л.Р.Кызласов. Он отрицал преемственность бегазинцев и андроновцев. Допуская восточный карасукский импульс, он писал: «прямым предшественником саков является культура дандыбай-бегазинских памятников, пришедшая в Казахстане и лишь благодаря соседству вобравшая в себя небольшое количество «андоновских элементов» (Кызласов Л.Р., 1977, с.71). Касаясь «срубно-замараевских» поселений с валиковой посудой ивановского или ильинского типа, Л.Р. Кызласов считал, что в IX-VII вв. до н.э. они сосуществовали с дандыбай-бегазинскими памятниками. Таким образом, Л.Р. Кызласов разделял население в Центральном Казахстане на две разнокультурные группы. Процесс трансформации бегазинской культуры в сакскую был прерван пришлыми носителями тасмолинской культуры, которые вытеснили бегазинцев – предков саков из центрально-казахстанских степей. Покинув

Казахский мелкосопочник, бегазинцы ушли в Туву и на юго-восток Казахстана, где оставили памятники типа Аржана, Бесшатыра и Чиликтинского кургана (Кызласов Л.Р., 1977, с.77).

Е.Н. Черных на огромной территории Евразии выделил ареал культур, керамика которых включает неперменный компонент в виде сосудов с валиком на шейке. Включив поселения Центрального Казахстана в общность культур валиковой керамики (ОКВК), он предложил отделить от валиковых прочие, «связанные с валиковыми сравнительно слабо или же вовсе чуждые им» (Черных Е.Н., 1983, с.87). Под «чуждыми» здесь, вероятно, подразумеваются комплексы типа Дандыбая и Бегазы с керамикой, называемой бегазинской.

Карасукский компонент, принявший участие в формировании культуры типа Дандыбая предполагает Г.Б.Зданович (1984, с.23).

Исследования памятников андронидных культур Западной Сибири в 70-80 гг. XX века сопровождались находками керамики, напоминавшей бегазы-дандыбаевскую. Эти факты обычно интерпретировались как результат связей центрально-казахстанского и сибирского населения (Молодин В.И., 1981). Находки конца XX в. на северо-западе Китая вызвали всплеск интереса к проблемам БДК. В китайской части Монгольского Алтая, в верховьях Иртыша было обнаружено четыре бомбовидных горшка, которые автор публикации на русском языке сопоставил с керамикой бегазы-дандыбаевской культуры (Варенов А.В., 1998, рис. 3, 11-14). На эти находки обратил внимание В.И. Молодин, который предположил существование бегазы-дандыбаевской общности. Отмечается широкий ареал памятников БДК, помимо Казахстана – Кулунда, Бараба, Томское Приобье, Синьцзян (Молодин В.И., 1998, стр. 287,288; Молодин В., Ромащенко А., 1999).

В основе многих культурно-исторических реконструкций лежит убежденность в карасукской природе бегазинской керамики и ее сопряженности с погребальными постройками мавзолейного типа. Так, Р. Исмагил считает, что в X-VIII вв. до н.э. «выходцы из восточных районов Евразии, в культурном отношении близкие к карасукскому населению», основали первое на территории Казахстана кочевое объединение. «Экономической основой его функционирования являлось кочевое скотоводство; политической – обеспеченная за счет военного превосходства эксплуатация обложенного данью и подверженного грабежам иноэтничного населения (надо полагать, населения валиковой керамической традиции – В.В.) Центрального, Северного, Восточного, отчасти Южного и Западного (?) Казахстана, Семиречья и равнинного Алтая» (Исмагил Р., 1998, с.6).

Одновременно со статьей Р. Исмагила была опубликована работа Е. Смагулова и Ю.В. Павленко (1998). По их мнению, на рубеже II-I тыс. до н.э. алтайская этноязыковая «общность распадается на две: монголоязычную (забайкальский вариант культуры плиточных могил) и тюркоязычную (карасукская культурная общность). Наиболее западная группа родственных карасукским племен представлена памятниками дандыбай-бегазинской культуры Прибалхашья и степных просторов на север и северо-запад от него.

Их сила базировалась на контроле над богатыми местными медными рудниками, а продукция местных металлургов распространялась далеко на север и запад, до лесных племен Сибири и Урала» (Смагулов Е., Павленко Ю.В., 1998, с.147). Правда, из текста не следует, включаются ли валиковые поселения в состав бегазы-дандыбаевской культуры или представительство последней ограничивается могильниками.

Несомненно, ценным вкладом в разработку бегазы-дандыбаевской проблематики стала статья В.А. Кореняко (1990). И этот вклад состоит не в аргументации принадлежности мавзолеев БДК к категории могил «представителей родо-племенной верхушки» (Кореняко В.А., 1990, с. 33), о чем писали и другие авторы, а в предложениях методологического характера. Они заключаются в неоспоримом тезисе о невозможности существования только погребений элитного статуса. Таким погребениям должны соответствовать могилы рядового населения, отличающиеся по археологическому инвентарю и типам конструкций от захоронений элиты (Кореняко В.А., 1990, с. 38). В качестве возможного направления поисков могил рядовых общинников В.А. Кореняко предлагает сопоставить некоторые атипичные алакульско-атасуские погребения и мавзолеи. С этим вряд ли можно согласиться в виду явной асинхронии этих групп погребений. Гораздо перспективнее в связи с этим привлечь материалы погребений небольших размеров периода поздней бронзы с бедным инвентарем, скажем, упомянутый уже могильник Айдарлы.

Автор этих строк, публикуя некоторые материалы поселения Кент, предположил, как паллиатив, сосуществование в Сарыарке двух параллельных культурных традиций – валиковой (саргаринской) и бегазинской (Варфоломеев В.В., 1987, с.62, 66).

Начало XXI в. знаменуется обострением внимания к бегазы-дандыбаевской проблематике, но только на самом общем уровне, без приведения соответствующей аналитической и доказательной базы.

Две культурные традиции населения степей Центрального Казахстана видит А.А. Ткачев. Он считает, что наряду с автохтонной алексеевско-саргаринской культурой существовала пришлая, оставленная дандыбаевскими коллективами. Эта пришлая культура сформировалась в пределах Барабы и Кулунды в процессе смешения «двух подвижных групп населения: позднеканайского (кызылтасского), мигрировавшего из Казахстанского Прииртышья, и карасукского, проникающего из Енисейских степей. В результате взаимодействия двух культурных групп на территории Западной Сибири формируется новое этнокультурное образование, ведущее подвижный образ жизни и являющееся одним из первых кочевых объединений в степной зоне Евразии» В процессе хозяйственного цикла дандыбаевские группы кочевали от Обь-Иртышского междуречья до Приаралья, оставляя «свои поминальные конструкции на территории соответствующих (алексеевско-саргаринских – В.В.) некрополей (Ткачев А.А., 2003, с.42).

С.Г. Боталов, исследуя миграции раннего железного века и поздней

древности, предваряет свою статью абзацем с констатацией движения «карасукоидного населения» в западном направлении и его участием в формировании памятников бегазы-дандыбаевского и северо-тагискенского круга (Боталов С.Г., 2003, с. 106).

Иногда декларируется «мощный поток» бегазы-дандыбаевского населения на территорию западной Сибири (Бородовский А.П., Софеев О.В., Колонцов С.В., 2002, с.14) или разрабатывается проблема взаимодействия бегазы-дандыбаевского и саргаринско-алексеевского взаимодействия (Федорук А.С., 2006). Без выяснения объективного содержания БДК такие работы вряд ли способствуют формированию адекватных знаний.

В противовес гипотезам инвазий бегазы-дандыбаевцев в 2002 г. В.В. Бобров высказал мнение о возможности влияния сибирской андронидной традиции на культуру Центрального Казахстана (Бобров В.В., 2002, с.12).

Эта гипотеза давно разрабатывается мною. Выявление керамики импортного происхождения на поселении Кент, а затем и в других памятниках, дало основание предположить не только существование транскультурных связей, но и определить посуду бегазинского облика как компонент внешнего происхождения в комплексах культуры валиковой керамики (Варфоломеев В.В., 1991, с. 15,16). Позднее это предположение было развито и в «бегазинском» керамическом комплексе были выделены конкретные инокультурные типы посуды: станковая, еловская, ирменская, сузгунская и другие, как свидетельство контактов местной элиты с носителями других культур. Такая посуда только дополняла керамический набор валикового типа, которым пользовались бегазы-дандыбаевцы преимущественно высокого социального ранга, а поскольку она многокомпонентна, то не может нести нагрузку этнокультурного маркера. Была аргументировано определена культурная принадлежность мавзолеев как усыпальниц лидеров самых мощных и влиятельных кланов культуры валиковой керамики. Главным результатом работы с материалами поздней бронзы стал вывод о существовании в Сарыарке только одной культуры, составляющей восточный ареал общности культур валиковой керамики (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002; Варфоломеев В.В., 1991; Варфоломеев В.В., 2003а; Варфоломеев В.В., 2003б; Варфоломеев В.В., 2004). Этот вывод аналогичен тому, который Н.А. Аванесова сделала на основании анализа металла степной зоны. Культуру поздней бронзы она предложила называть замараевско-бегазинской (Аванесова Н.А., 1979, с. 21-24).

Подводя итог краткого обзора мнений о происхождении и облике комплексов поздней бронзы Центрального Казахстана, можно резюмировать следующее. За небольшим исключением (Грязнов М.П. Бобров В.В., Варфоломеев В.В.), керамические коллекции из памятников БДК не подвергались процедуре археологического анализа. Обычно априори предполагается их связь с карасукскими прототипами, а затем строятся соответствующие гипотезы. Нет работ, в которых с учетом современных

источников исследовалась бы проблема соотношения поселенческих и погребальных комплексов. Поэтому автор предлагает свой вариант решения проблемы БДК, который разработан на основе формального анализа керамических комплексов из могильников и поселений поздней бронзы Сарыарки.

Для формирования банка данных были привлечены керамические коллекции из 27 памятников поздней бронзы Центрального Казахстана, в том числе 8 поселений и 19 могильников. Из общего числа (более 40 тыс.) фрагментированных (преимущественно поселенческие коллекции) и целых (из могильников) форм керамики было выделено 4502 сосуда (см. табл.1). Из них на долю поселений приходится 4274 сосуда, на могильники – 228.

Наиболее солидные коллекции происходят из поселений Кент и Мыржик (раскопки А.С. Загороднего и Ж. Курманкулова¹). Могильники содержат немного сосудов, только в Донгале и Бегазы их более 20. Но в качестве комментария к таблице 1 следует отметить, что данные из могильников Бугулы II, Бегазы, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы неполные, так как в публикациях проиллюстрирована не вся керамика и количество разных групп посуды в таблице 1 не адекватно коллекции, полученной в процессе раскопок. Не исключено, что в иллюстрациях соотношение двух групп керамики было скорректировано в пользу аттрактивных образцов бегазинского облика². Поселения Мыржик, Акимбек и Ташик многослойные – с керамикой андроновской и валиковой, что не исключает вероятности включения фрагментов сосудов периода поздней бронзы с геометрическим орнаментом в андроновский комплекс.

По формальным признакам (форма сосуда, обработка поверхности стенок и их толщина, состав глиняного теста и характер примесей, тип орнамента и техника его выполнения) вся посуда была разделена на 9 групп.

Группу 1 составила керамика валикового типа или саргаринско-алексеевская. Она представлена тремя подгруппами – ранней, среднего этапа и поздней – донгальского этапа. В предлагаемой статье эта посуда, за исключением оговоренных случаев, рассматривается в совокупности, без деления на подгруппы. Характерными особенностями посуды группы I являются горшечная форма, грубая обработка поверхности без применения лощения, достаточно крупные фракции примесей в тесте, толстые стенки сосудов, сравнительно бедная и несложная орнаментация, или ее отсутствие, а также наlepной или формованный валик по шейке и воротничок под венчиком. По сочетанию этих признаков керамика валикового типа достаточно четко выделяется на многослойных памятниках, а ее типичные

¹ Автор благодарен коллеге Жолдасбеку Курманкулову за предоставленную возможность работать с коллекцией из Мыржика и с особым теплом вспоминает Александра Степановича Загороднего, который уже не сможет разжечь экспедиционный костер.

² В этом смысле показательны неоднократные поздние обращения к материалам из Дандыбая, когда приводились лишь сосуды группы 2 классификации М.П. Грязнова (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. LIX, 1-3; Маргулан А.Х., 1979, рис. 114), как «красивые и изящные», а «грубая» валиковая керамика игнорировалась. Это замечание относится и к ряду других публикаций.

коллекции происходят из однослойных поселений Центрального Казахстана – Копя I, Суук-Булак, Каркаралинское II, Улытауское и др. На основании сравнения с ними саргаринско-алексеевская керамика вычленилась из смешанных (поселения Кент, Домалактас, Упаис, могильники Дандыбай, Бегазы, Сангру I, III; Айбас-Дарасы, Бугулы III, Донгал и др.) и многослойных комплексов (поселения Мыржик, Акимбек). На поселениях посуда первой группы составляет от 90 до 100%. К этой категории посуды принадлежат три сосуда из Дандыбая (рис. 1, 1,2,4). Посуда группы I есть и в других могильниках БДК (рис. 2).

Вся остальная керамика, не удовлетворяющая критериям саргаринско-алексеевской посуды, отнесена к группам 2-9.

Группа 2. Керамика, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения. Она найдена на поселениях Мыржик (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 213), Павловка (Малютина Т.С., 1991), на поселениях Кент, Домалактас, Байшура, могильнике Тасырбай в Кентских горах.

Очевидные среднеазиатские аналогии имеют станковые сосуды, найденные при раскопках поселения Павловка на р. Шагалалы (Чаглинка) близ г. Кокшетау (рис. 3). Из Павловки происходит достаточно представительная группа (12% всей керамики этого поселения) сосудов, изготовленных на гончарном круге и датированных временем Намазга VI. Среднеазиатская посуда найдена в комплексе с керамикой федоровской, бегазинской, саргаринской и «представлена горшковидными сосудами с бомбовидным или биконическим туловом и с подкосом у дна, глубокими чашами типа «тагора», вазами на полых рельефных ножках с коническим резервуаром». Важно, что среднеазиатская посуда из Павловки представлена как оригинальным импортом, так и местными подражаниями станковой посуде (Малютина Т.С., 1991, с. 155).

Кентские находки представлены двумя типами горшков – с высокой шейкой и низкой шейкой. Судя по толщине стенок (от 3 до 12 мм), в этой группе присутствуют и столовые сосуды, и тарные емкости (рис.4, 2-3,7). Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины, цвет поверхности от серебристо-белого и желтого до красного и черного. На одном из крупных сосудов в придонной части имеется характерный скос (рис.4, 7). В Сарыарке не обнаружено следов местного производства станковой керамики и её происхождение следует связывать с теми территориями, где подобная посуда была обычной. Очевидные аналогии центрально-казахстанским образцам станковой посуды имеются в материалах поселения Кангурт-Тут в Таджикистане (Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986, рис. 8, 2,7,9,12). Определенное сходство находок из Сарыарки можно видеть в материалах культуры сапаллитепа в Южном Узбекистане (Аскарлов А.А., 1977, с. 211, табл. XLVII).

К сожалению, известная стандартизация форм посуды при массовом ремесленном производстве с использованием гончарного круга затрудняет локализацию конкретного очага происхождения. Эта группа хронологически

соответствует фазе поздней Намазга VI и памятникам молалинского этапа культуры сапаллитепа и является импортом из Средней Азии.

Группа 3. По происхождению близка второй группе, но сосуды изготовлены лепным способом (рис. 4, 4-6, 8-11). В ограде 4 могильника Актопрак совместно с посудой саргаринско-алексеевского типа находился сосуд, аналогичный чустским мискам (рис. 4, 8). Высокая шейка миски из Актопрака украшена двумя рядами овальных пятен, выполненных черной краской. На Кенте имеются фрагменты двусторонне лощенных лепных сосудов с остатками декора в виде красноватых пятен размером с отпечаток пальца. Из Кента же происходит фрагмент шейки сероглиняного узкогорлого сосуда с трубкой в стенке (рис. 4, 5). Глиняное тесто плотное, однородное. По горловине сосуда – орнамент в виде горизонтальных линий, нанесенных широким гребенчатым штампом. Прямая аналогия этому сосуду имеется в Северном Тагискене (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, рис. 101, 695). А оба экземпляра, кентский и тагискенский, близки глиняной бутылки из Сумбарского I могильника в юго-западной Туркмении. Сумбарская бутылка, по мнению И.Н. Хлопина является иранским импортом (Хлопин И.Н., 1983, с.40, табл. IX, 14).

К группе керамики южного происхождения относится сосуд из жилища 4 поселения Кент (рис. 4, 10). По внешним признакам он подобен амирабадской посуде из поселений Каунды 1, Базар 3, Якке-Парсан 14 (Итина М.А., 1977, рис.80, 9; рис. 81, 7,15; рис. 84, 12). В этой же группе – два сосуда, слепленных вручную, но подправленных на круге (рис. 4, 6,9).

Влияние среднеазиатской традиции ощущается и в присутствии на сарыаркинских памятниках сосудов в форме кубков и кувшинов (рис. 1, 3,6). Кубки найдены в могильнике Дандыбай, поселениях Кент и Мыржик. Е.Е. Кузьминой было убедительно аргументировано среднеазиатское происхождение кубков, встречающихся на широкой территории Казахстана (Кузьмина Е.Е., 1974). Однако, кубки из памятников БДК отмечены орнаментом, который не имеет аналогий в Средней Азии.

Группа 4. К ней отнесена андронидная керамика, форма и орнаментика которой демонстрируют многочисленные параллели с керамическими компонентами культур Западной Сибири (рис.5-10). В ограде 7 могильника Сангру I вместе с алексеевско-саргаринской посудой найдены круглодонные чаши с гребенчатым орнаментом в виде широких полос вертикального зигзага, сомкнутых заштрихованных полос по шейке и плечу в сочетании с зигзагообразным узором (рис.5, 1, 3). Отдельные фрагменты подобного типа сосудов имеются в Кенте. Ближайшие аналогии для казахстанских находок видятся в посуде из двух сузгунских погребений на городище Потчеваш у Тобольска (Федорова Н.В. 1974, табл. 2, 1,2) и во второй группе керамики поселения Прорва в устье Тары (Евдокимов В.В., Стефанов В.И., 1980, рис. 1, IV-4; рис. 2, 5,8). Сузгунские сосуды из Западной Сибири и сангрусские из Центрального Казахстана близки по форме, декору и гребенчатой технике его нанесения.

Другая линия сопоставлений в рамках 4-й группы приводит к

памятникам еловской культуры южной части Томского Приобья. На поселении Кент и в могильнике Бегазы имеется несколько лощенных сосудов (обычно с двусторонним лощением) с гребенчатым орнаментом из параллельных полос, заштрихованной полосы по шейке, прямоугольных зигзагов, вписанных прямоугольников, наклонно заштрихованных полос, оттисков трубки в сочетании с гребенчатым орнаментом (рис. 5, 2, 4-7; рис. 6). Такая посуда аналогична еловской керамике из могильников Еловка I и Еловка II. К этой же группе следует относить и сосуды с шахматным орнаментом, встречающиеся как в могильниках БДК (рис. 5, 8), так и в еловских комплексах (Матющенко В.И., 2001, рис.11, 5; рис. 17, 4 и др.; Матющенко В.И., 2004, рис.318, 4; рис. 334, 2; рис. 351, 3; рис. 392,2,8 и др.). Форма и орнаментация сарыаркинских сосудов вписываются в еловский канон.

Часть посуды из Сарыарки имеет типичные или ассоциативные признаки керамики западного ареала ирменской культуры (Ломан В.Г., 1987, с.125). На позднесаргаринском поселении Донгал найдена ирменская керамика (рис. 8, 2-4,6). Фрагменты из Донгала принадлежали небольшим тонкостенным сосудом с орнаментом в виде треугольников с оттисками трубочки. На одном сосуде жемчужины сочетались с арочными вдавлениями. Такая посуда типична в ирменских комплексах (Матющенко В.И., 1974, рис.87, 7). В могильнике Уйтас-Айдос при расчистке внешней стороны стенки ограды 3 были найдены фрагменты круглодонного (?) горшка с каннелюрами на шейке (рис. 8, 10). По орнаментации, форме и пропорциям этот сосуд близок ирменской посуде могильника Преображенка 3 в Барабе (Молодин В.И., 1985, рис. 60, 12,13; рис. 61, 7,16). Отличие состоит в сравнительной «узкогорлости» горшка из Уйтас-Айдоса. Ирменские аналогии очевидны для двух высокогорлых сосудов из Дандыбая (рис.1, 8,9). Подобные пропорции и орнаментальная схема характерны для ирменской керамики могильника Еловка II (Матющенко В.И., 2006, рис.21, 10). Аналогии имеются и в ирменском поселении Быстровка 4 (Матвеев А.В., 1993, с. 174, табл.20, 17). Вероятно, ирменскими являются фрагменты посуды с орнаментом в виде наклонной «лесенки» (рис. 7, 1; рис.8, 6).

В связи с неоднократными ссылками на бегазы-дандыбаевский могильник Старый Сад в Барабе, материалы которого, опубликованные весьма кратко, активно используются в археологических и антропологических работах, нужно заметить, что орнаментальный геометризм подчеркивает очевидную андронидность керамики из этого погребального памятника (Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992). Если предварительная публикация отражает типичные типы посуды из Старого Сада, то его нужно рассматривать как памятник круга андронидных культур.

Группа 5. Керамика карасукского облика. К этой группе отнесен сосуд из мавзолея 5 могильника Бегазы (рис. 11, 1). Это – плоскодонный горшок с узким валиком и орнаментом, выполненным оттисками трубки (пера или кости, как пишет А.Х. Маргулан). Оттиски по тулову образуют треугольники

с кружками по углам (популярный ирменский мотив – В.В.). На тулове – три ряда зигзага с кружками на переломе. У днища – группы из 4 кружков, соединенных линиями гребенчатого штампа. Такой же орнамент присутствует на сосуде из карасукского могильника Уйбат на юге Красноярского края (Членова Н.Л., 1972, рис.13,1). Но насколько горшок из Уйбата типичен для карасукской традиции? Судя по имеющимся данным, он выбивается из карасукского орнаментального канона (типичные карасукские орнаменты см.: Новгородова Э.А., 1970, рис.6; рис.13).

В могильнике Донгал найдены два сосуда в форме чаши, круглодонные, тонкостенные, шейка не орнаментирована (рис. 11, б, 9). Тулово одной чаши орнаментировано рядами оттисков палочки, у другой имеются два широких желобка на шейке. Оба сосуда изготовлены оригинальным и редким способом. Сначала формовался тонкостенный (толщина стенок около 3 мм) сосуд-основа, а после подсушки накладывался второй слой глины. Сходный прием изготовления посуды известен в карасукском могильнике Малые Копены 3 в Хакасии. Л.П. Зяблин в публикации малокопенских материалов характеризует этот технологический способ как редкостный (Зяблин Л.П., 1977, с.26; рис.3, 8). По форме и орнаментации сосуда из могильника Донгал схожи с некоторыми экземплярами из Тагискена (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2002, рис.85,550; рис.95, 639; рис.106, 770), а их карасукское происхождение небесспорно.

Группа 6. Позднекарасукская каменнолоожская (по М.П. Грязнову) или лугавская (по Н.Л. Членовой и В.В. Боброву) керамика. В нее включены два сосуда из могильника Бегазы (рис. 11, 2, 3). Сосуды круглодонные с прямыми шейками. Орнамент гребенчатый. На одном из сосудов две заштрихованные полосы окаймлены и разделены каннелюрами, ниже – ряд вдавлений. На другом горшке шейка украшена широкой сеткой, по плечу – ряд вдавлений, под ним – заштрихованная полоса. По форме и орнаменту эти сосуды ближе всего к лугавской или каменнолоожской керамике (Членова Н.Л., 1972, табл.31, 7,8; табл.32, 2). Правда, Н.Л. Членова отмечает, что гребенчатая техника не характерна для лугавской орнаментальной традиции (Членова Н.Л., 1972, с.118). Круглодонные горшки из могильника Бегазы

Группа 7. Посуда тагискенского облика. Сосуды этой группы красно- и чернолощенные, чашевидные, небольшие, с уплощенным или округлым дном, приземистых пропорций. Шейка часто оформлена в виде двух широких желобков, на таких сосудах орнамент обычно отсутствует. На декорированных чашах орнамент состоит из оттисков палочки, треугольного штампа, сосцевидных налепов, нередко сгруппированных по три, встречается узкий валик (рис. 1, 5;11, 4, 5, 7, 8). Посуда седьмой группы известна в могильниках Сангру I, Айбас-Дарасы, Енбек-Суйгуш, поселении Кент. В наибольшем количестве представлена в могильнике Тагискен (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, рис.65, 334; рис. 67, 355; рис. 68, 364; рис. 69, 382).

Очень проблематично происхождение посуды **группы 8.** В нее включены круглобокие плоскодонные и круглодонные сосуды небольших

размеров, с орнаментом, выполненным фигурным – струйчатым, подковообразным, циркульным, γ-видным – штампом и занимающем все тулово. Шейки на таких небольших горшках без орнамента и покрыты лощением (рис.11, 10-12; рис. 12, 1-4). По ряду параметров к этой группе примыкают и кубки из Дандыбая (рис. 1, 7,10-12). Фактически это те же круглодонные сосуды, только на высоких поддонах в виде ножки.

Некоторые аналогии известны в алтайских поселений Бурла 3 и Кайгородка 3 (Удодов В.С., 1991, рис.2, 5-7). Но в целом бурлинская керамика – андронидная, имеющая соответствия в комплексах еловской культуры (Удодов В.С., 1991, рис.1; рис.2, 1,3,4). Автор раскопок отмечает также присутствие ирменской керамики. В порядке выяснения проблем ирменской культуры В.С. Удодов предполагает участие бегазы-дандыбаевского компонента в формировании ирмени (Удодов В.С., 1991, с.88). Эта позиция основана на видении признаков, общих для ирменской керамики и андронидной посуды из памятников БДК.

В связи с проблемой керамики группы 8 очевидный интерес имеет информация о комплексе Кара-Оба из Восточного Казахстана (Мерц В.К., 2006). Здесь на правом берегу Иртыша зафиксированы сооружения неопределенных размеров с кладкой из обожженного кирпича. Посуда представлена образцами штампованной, андронидной, тагискенской и станковой керамики (Мерц В.К., 2006, рис. 4, 1-12,14-16,18,20). На правом берегу Иртыша исследован и хорошо известный Измайловский могильник, давший образцы андронидной и штампованной керамики (Ермолаева А.С., 1987). Как будто бы штампованная керамика концентрируется в памятниках правобережья Иртыша. Совокупность находок из Прииртышья не может не насторожить. Не здесь ли находился эпицентр распространения штампованной керамики? Но, с другой стороны, этот тип посуды никогда не встречается самостоятельно, но всегда в комплексе с другими культурными компонентами (керамика валиковая, андронидная, тагискенская, станковая и др.). Неизвестно ни одного памятника, посуда которого была бы представлена только группой 8.

Вероятно, особую, условную **группу 9** составляет посуда синкретического облика, сочетающая признаки разных традиций. Так, в могильнике Енбек-Суйгуш был найден сосуд валикового облика, но с орнаментом в виде круглых пятен, нанесенных краской (рис.4, 11). В Сангру I имеются сосуды, украшенные по тулову орнаментом андроновского стиля в виде меандров в сочетании с валиком (рис. 12, 9, 11). Такой орнамент напоминает андроновский, но вряд ли является реминисценцией андроновской традиции, ведь на ранневаликовой керамике андроновский геометризм заметно деградирует. Не исключено, что сангрусские горшки декорировались под влиянием орнаментальных канонов пахомовского населения лесостепного юга Западной Сибири, в керамике которого особо отчетливо сконцентрированы андронидные мотивы (Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991, рис.3, 1,6,7,17,18,21).

Как синкретичный можно отметить известный сосуд со

штампованными крестами из Сангру I (рис.12, 10), хранящийся в фондах Института археологии им. А.Х. Маргулана. По форме он близок еловским горшкам, но по небрежности обработки стенок, асимметрии горловины приближен к валиковой посуде. В Кенте и Мыржике имеется ряд фрагментов сосудов с андронидным орнаментом, обычно небрежным и выполненным в резной технике. По составу глиняного теста и простой отделке поверхности стенок они близки характерной валиковой керамике. Такие образцы, видимо, отражают попытки копирования декора на импортных образцах местными гончарами.

Анализ керамических материалов из поселений и могильников Центрального Казахстана позволяет сделать ряд важных выводов. В могильниках БДК присутствует как валиковая посуда, так и достоверно суперстратный³ компонент (группы 2-9). Последний представлен в Сарыарке очень малочисленной серией (см. Табл. 1.). На 4227 горшков валикового типа приходится только 275 сосудов других групп, т.е. 6,1% всего массива проанализированного материала. Количество посуды групп 2-9 в памятниках Сарыарки убывает пропорционально размерам поселений и погребальных сооружений. Чем меньше размеры могильных построек и поселенческих объектов, тем меньше вероятность нахождения в них суперстратной керамики. Её нет на небольших поселениях и в могильниках с простейшими погребальными сооружениями. Поразительно, что так называемая бегазинская керамика на памятниках бурлинского типа составляет до 40-50% всего комплекса (Удодов В.С., 1994, с. 11), а в Центральном Казахстане в среднем только 6,1%. Т.е., на территории БДК, откуда якобы и происходит «бегазинская» керамика, её почти на порядок меньше, чем вне «основной» территории. Объяснение этого парадоксального факта заключается в констатации «бегазинской» посуды как суперстратного компонента в памятниках валиковой культуры.

Керамика, которую принято называть бегазинской, не представляет единого целого, а распадается на несколько групп определенной культурной принадлежности, имеющих соответствия в древностях Средней Азии времени Намазга VI и поздней Намазга VI, в керамике могильника Тагискен в Приаралье и андронидных культурах Западной Сибири. Причем андронидная посуда абсолютно преобладает в суперстратном компоненте.

Выделение нескольких групп посуды импортного происхождения предполагает постановку вопроса об облике типичной бегазинской керамики, как маркера культуры строителей мавзолеев. Без ответа на него невозможно решение проблемы БДК. Кстати, никто из интерпретаторов не дал ответа на этот вопрос, да и не ставил его. Только В.В. Бобров предпринял попытку выделить характерные особенности собственно бегазинской посуды (Бобров В.В., 2002, с. 11,12). Результаты элементарного анализа керамики БДК изложенного выше, оставляют этот аспект проблемы открытым.

³ Под суперстратом здесь понимаются как инокультурные включения в виде явного импорта, так и реплики этого импорта.

Табл. 1. Соотношение субстратной и суперстратной керамики из памятников Сарыарки п. – поселение, м. – могильник

	памятники	субстрат (группа 1)		суперстрат (группы 2-9)		всего	
		кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%
1	п. Кент ⁴	2601	94	165	6	2766	100
2	п. Домалактас	116	98,3	2	1,7	118	100
3	п. Донгал	300	99	3	1	303	100
4	п. Акимбек	74	100	-	-	74	100
5	п. Ташик	30	100	-	-	30	100
6	п. Упаис	63	90	7	7	70	100
7	п. Копа I	123	99,2	1	0,8	124	100
8	п. Мыржик	776	98,3	13	1,7	789	100
9	м. Айдарлы	8	100	-	-	8	100
10	м. Бугулы II*	4	36,4	7	63,6	11	100
11	м. Дандыбай	3	25	9	75	12	100
12	м. Бегазы*	11	39,3	17	60,7	28	100
13	м. Бугулы III*	3	60	2	40	5	100
14	м. Сангру I*	4	25	12	75	16	100
15	м. Айбас-Дарасы*	3	5,8	16	84,2	19	100
16	м. Донгал	18	72	7	28	25	100
17	м. Дермен	8	100	-	-	8	100
18	м. Кштан	4	100	-	-	4	100
19	м. Карагаш	9	81,8	2	18,2	11	100
20	м. Енбек-Суйгуш	11	73,3	4	26,7	15	100
21	м. Актопрак	20	95,2	1	4,8	21	100
22	м. Самара	3	100	-	-	3	100
23	м. Уйтас-Айдос	6	85,7	1	14,3	7	100
24	м. Шоиндыколь	5	83,3	1	14,3	6	100
25	м. Жукей I и Жукей II	10	90,9	1	9,1	11	100
26	м. Тасырбай	7	70	3	30	10	100
27	м. Тегисжол	7	87,5	1	12,5	8	100
	всего	4227	93,9	275	6,1	4502	100

Знаком * отмечены памятники с неполными данными.

Количественное сравнение керамики групп 2-9 показывает, что карасукский компонент проявляется минимально и только в деталях, которые нужно относить на счет общих элементов, присутствующих в керамике карасука и андронидных культур. Прежде всего, это такие орнаментальные мотивы как ромбы, соприкасающиеся треугольники, «опрокинутые» треугольники, вписанные треугольники и т.д.

Наблюдается синхронность отдельных типов суперстратной керамики этапам развития валиковой культуры Казахстана, еловская посуда

⁴ По состоянию на 2007 г.

хронологически соответствуют материалам среднего этапа БДК, а более поздняя – ирменская – донгальскому этапу.

В свое время, выделив общность культур валиковой керамики, Е.Н. Черных обратил внимание на существование двух компонентов в керамике культур западной и северопричерноморской контактной зон ОКВК. Первый компонент – посуда валикового типа, второй – керамика западная или фракийская. Вторым компонентом представлен «черпаками» с одной ручкой и двуручными «кубками» изготовленными из хорошо отмученной глины, лощеными и полированными. Орнамент резной и каннелированный, на стенках сосудов иногда налеплялись шишечки (Черных Е.Н., 1984, с. 251,252). Вероятно, керамика групп 2-9 из памятников БДК является типологическим аналогом «второму» компоненту керамики западного ареала ОКВК и дополнительным аргументом в пользу принадлежности бегазы-дандыбаевских памятников к культурам этой общности.

Другой аспект наблюдений касается информационных возможностей, ожидаемых от анализа керамики. Вряд ли следует абсолютизировать этнокультурную значимость такого гончарного технического приема, как изготовление сосудов способом выдавливания-выколачивания из кома глиняного сырья. Это простейший способ, который заключается в лепке сосуда из одного кома глины. Середина кома выдавливается, а наружные стенки формируются рукой и шпателем, которым отбивают стенки. При этом для облегчения работы внутрь сосуда часто кладется окатанный камень. Это конвергентный способ изготовления горшков небольших размеров, широко распространенный в разных районах Земного шара. Он известен не только у некоторых народов Сибири, но и у аборигенов Новой Гвинеи (Бутинов Н.А., 1975, с.263-265). Вероятно, и в древности он не был специфической особенностью карасукского гончарства.

Не представляется перспективной гипотеза внешнего толчка в генезисе культуры сарыаркинских мавзолеев, связанного с носителями керамики групп 2-8. Если керамические импорты действительно свидетельствуют о миграции, то на основании выделенных импортов следовало бы сделать вывод о проникновении на территорию Центрального Казахстана в период поздней бронзы носителей традиций станковой керамики, еловской, ирменской, сузгунской культур и других, образовавших БДК, что представляется невероятным, хотя бы из-за количества культур исхода. При этом нельзя не отметить специфику андронидных импортов. Как в могильниках, так и в поселениях БДК они представлены керамикой, имеющей соответствия, в основном, в погребальной посуде культур Западной Сибири. Поселенческая андронидная посуда, характеризующаяся сочетанием гребенчатого и ямочного орнамента, в Сарыарке почти не встречается. Один фрагмент с ямками происходит из поселения Донгал⁵, несколько фрагментов от двух-трех сосудов известны в Кенте (рис. 8, 5,3,8). Если действительно происходила миграция, то почему мигранты оставили только погребальную

⁵ Раскопки В.Г. Ломана

(столовую?) посуду? Этот нюанс – свидетельство не в пользу миграционной теории происхождения БДК.

Методика выявления миграций по археологическим признакам хорошо разработана (см.: Клейн Л.С., 1999; Ольховский В.С., 1992; Титов В.С., 1982 и др.). Она подразумевает учитывать ряд критериев, среди которых важнейшие – критерии хронологического и территориального стыка, а также критерий локальности. Первый критерий предполагает определенное запаздывание признаков культуры мигрантов по сравнению с датами на территории исхода. Согласно критерию территориального стыка маршрут продвижения мигрантов должен быть отмечен соответствующими памятниками. Локальный критерий (комплексный) предполагает сходство культуры на исходной и конечной территории мигрантов.

Что бы подтвердить или опровергнуть миграционную гипотезу происхождения БДК, следует сравнить типичные признаки и компоненты культур, тем более что в настоящее время достаточно данных для сопоставления археологических комплексов карасукской (КК) и бегазы-дандыбаевской культур⁶.

1. Время **КК** определяется XIII-XI или XI-VIII вв. до н.э. Памятники **БДК** датируются XIII-VIII или X-VIII вв. до н.э. То есть **КК** и **БДК** существовали в одном временном диапазоне, что не противоречит критерию хронологического стыка. Но нет и доказательств хронологического приоритета **КК**.

2. Территория **КК** – в основном Минусинская котловина. Мавзолеи **БДК** локализованы в Сарыарке. Между окраинными памятниками обеих культур расстояние примерно 1 тыс. км. В этом промежутке известны памятники ирменской, корчажкинской, лугавской и других культур, но отсутствуют следы пребывания каких-нибудь карасукских популяций.

3. Карасукские надмогильные сооружения – ограды квадратной и круглой формы, из тонких вертикальных, реже горизонтальных каменных плит. Внутри оград – земляная насыпь из дерна. Нередки ограды с пристройками (до 12-18). В оградах часто две могилы. Размещение в пространстве – углами по сторонам света. Погребальные постройки **БДК** отличаются значительной большей вариативностью. Преобладают ограды близкие к квадратным очертаниям. Они строились способом горизонтальной кладки, часто с кладкой плит на растворе. Вокруг самых больших оград – ямы для приготовления строительного раствора. Ограды из вертикально установленных плит редки. Встречаются комбинированные варианты. Пристройки очень редки, курганные насыпи отсутствуют. В каждой ограде – одна могила. В пространстве между стенами погребальной камеры и ограды

⁶ Данные для сравнительного сопоставления см.: **КК**: Вадецкая Э.Б., 1986; Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М., 2010 с.; Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А., 1968; Максименков Г.А., 1975; Лазаретов И.П. 2006; Поляков А.В., 2006. **БДК**: Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966; Маргулан А.Х., 1979; Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002; Варфоломеев В.В., 2004

помещались сосуды, мясная пища, имеются следы огня или подсыпка из золы. У наиболее крупных оград с восточной стороны пристраивались коридоры-тамбуры, применялась облицовка гранитными плитами до 3 м высотой. Площадь оград **КК** – 15 – 25 м²; **БДК** – от 9-12 до 225 м².

4. Погребальные камеры. **КК** – углубленные каменные ящики из тонких плит, редко – наземные цисты. Форма ящиков прямоугольная или трапециевидная. Коэффициент соотношения длины и ширины – 2,4. Глубина – более 1 м. Стенки ящиков наклонены наружу. Размещение камер относительно сторон света – по линиям З-В, СВ-ЮЗ. **БДК** – преимущественно каменные ящики глубиной до уровня материка. Плиты ящиков толстые, до 10-15 см и возвышаются над поверхностью обычно на 0,3-0,6 м. Ящики – прямоугольные, широкие, близки квадрату, соотношение ширины и длины – 1 к 1,4. Обычно они ориентированы по линиям СВ- ЮЗ, СЗ-ЮВ. В могилах и за их пределами встречается до 40-50 сосудов.

5. Внутримогильный обряд. **КК** – костяки вытянуты на спине или на левом боку с подогнутыми в коленях ногами. В северных и центральных районах Минусы умершего ориентировали на В и СВ, в южных на З и ЮЗ. В изголовье ставили 1-2 сосуда, в ногах на деревянном блюде – 4 куса баранины, иногда – говядина или конина. На мясо клали нож или обломок лезвия ножа. В костях скелетов находят костяные или каменные наконечники стрел, на костяках – бронзовые украшения, имитации раковин каури. **БДК** – скорченные погребения на правом боку – 7 случаев, на левом боку – 2, вытянуто на спине – три погребения, сидя – один случай. Ориентировка скелетов самая разнообразная, притом, что она установлена лишь в 11 погребениях. Встречается северо-восточная ориентировка погребенных, но в могилах с посудой валикового типа (Варфоломев В.В., 2007). Погребальный инвентарь – бронзовые втульчатые наконечники стрел, кинжалы киммерийского типа, круглое и квадратное зеркала, гранитные диски, иглы и шилья, золотой браслет.

6. Керамика. **КК** – карасукская. В мавзолеях **БДК** – валиковая и групп 2-9.

7. Металл. **КК** – кинжалы безэфесовые, с намеченным перекрестием и выемчатоэфесовые; ножи выпуклообушковые; шилья, иглы, проколки; модели ярма, украшения – лапчатые подвески, пронизки, провололочные височные кольца, петельчатые и спаренные бляшки, нагрудные бляхи-зеркала. **БДК** – продукция металлургических очагов восточной зоны общности культур валиковой керамики; прямо- и вогнутообушковые ножи. Ножи с кольчатыми рукоятями из Казахстана близки карасукским выпуклообушковым. Бегазы-дандыбаевские изделия могут рассматриваться как прототипы более совершенных карасукских, и говорить здесь нужно о влиянии казахстанской традиции на карасукскую металлургию, а не наоборот.

9. Антропологический тип. **КК** – памиро-ферганский и андроновский типы, а также потомки окуневского населения с монголоидными признаками. Из погребений **БДК** определено три черепа, которые идентичны типу

алакульского населения Центрального Казахстана.

10. Хозяйство. **КК** – преимущественно скотоводство (разведение коров). **БДК** – отгонное скотоводство с преобладанием мелкого рогатого скота и лошади.

11. Социальная стратификация по материалам погребений. Различия в размерах оград, количестве и качестве погребального инвентаря **КК** не существенны, хотя имеются круглые ограды диаметром до 9-11 м, а во всей культуре известен лишь один большой курган диаметром 30 м (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 60). Общество **КК** было социально не стратифицированным и эгалитарным. Вариабельность погребальных конструкций и обряда **БДК** общеизвестна и демонстрирует высокую степень социальной и имущественной дифференциации.

Как видим, сравнение карасукской и бегазы-дандыбаевской культур по большинству параметров показывает больше различий, чем сходства. Следовательно, нет никаких доказательств участия населения с культурой карасукского типа в сложении БДК. Вероятно, к ситуации вокруг «карасукоидности» БДК применим «закон предшествования», сформулированный М. Лундтом. Согласно этому закону любое первое сообщение о том или ином факте или событии оказывает более сильное воздействие на аудиторию, чем последующие. Не будет лишним напомнить, что в первой публикации комплекс находок из Дандыбая был поставлен в один ряд с карасукскими древностями (Рыков П.С., 1935).

Во всех памятниках БДК есть посуда валикового облика и каждому могильнику с погребениями мавзолейного типа соответствуют поселения с посудой первой группы. В Атасукском микрорайоне это могильники Сангру I, III и валиковые поселения Атасу I, Акмустафа, Мыржик. У горы Бегазы недавно открыты поселения Бегазы, Каратал I и Каратал II (Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., 2008, с. 34). Выявлено поселение рядом с могильником Айбас-Дарасы. Вблизи мавзолея Бугулы III находятся поселения Бугулы I и Бугулы II. Совершенно определено на принадлежность мавзолеев носителям валиковой керамической традиции указывает топография памятников в Кызылкентском ущелье Кентских гор. Здесь в узкой долине р. Кызылкеныш на расстоянии 8 км – 10 могильников с погребениями бегазинского типа, с посудой валиковой и суперстратной, и 9 поселений валиковой керамики. Памятники археологически синхронны и трудно найти логичное объяснение сосуществования на очень ограниченной территории погребальных памятников одной культуры и селищ другой, пользуясь гипотезой двух культурных образований. Единственное логичное объяснение такой ситуации заключается в принадлежности мавзолеев обитателям поселений с керамикой валикового типа. Бегазы-дандыбаевские могильники оставлены тем же населением, которое жило на поселениях и в быту пользовалось валиковой посудой, т.е. в период ОКВК на территории Сарыарки обитали племена, оставившие *одну археологическую культуру*.

Для иллюстрации загадки бегазы-дандыбаевского феномена уместно привести типологическую параллель этнографического времени. При

разведочном обследовании археологам, работающим в Казахстане, часто встречаются развалины казахских зимовок из камня или дерна. На поверхности развалин, особенно на зольниках, можно видеть кости животных, куски чугунных котлов и латунных самоваров, монеты, фрагменты стеклянных сосудов и пиал с клеймами Товарищества братьев Кузнецовых, станковую керамику, подковные гвозди, ружейные и винтовочные гильзы, металлические пуговицы и др. Т.е., эти находки выступают как подъемный материал, к которому применимы археологические методы исследования. По монетам нижняя хронологическая граница поселений определяется началом правления Николая II, верхняя – по ранним советским монетам – серединой 20-х – началом 30-х гг. XX вв. По инвентарю несложно определить и этническую принадлежность обитателей зимовок. Русские монеты, самовары, котлы, фарфор, керамическая посуда. Следовательно, археолог должен сделать вывод об обитании в этом районе какой-то группы русского населения в конце XIX-го – начале XX-го вв. Далее логика приводит археолога к наиболее вероятному объяснению существования группы русского населения вне основной этнической территории – миграция! Неподалеку от зимовки археолог находит кладбище, организованное по традициям казахского населения: невысокая ограда из крупных камней, обносящая могильник; погребальные сооружения – овалы из камней с вертикальными каменными стелами и мазары круглой, прямоугольной и квадратной формы из камня или самана. Датировка могильника та же, что и поселения. Сосуществование и топографическое соседство русского поселения и казахского могильника потребует от археолога дальнейшего логического объяснения, которое будет ограничено только воображением исследователя⁷.

Но мы-то знаем, что остатки зимовки принадлежали казахам, как и кладбище. Между археологической интерпретацией и фактами в данном случае серьезное противоречие. Археолог не учел конкретные политические, социальные и экономические условия, в которых проходила жизнь населения зимовок. В отмеченный хронологический отрезок казахское общество было интегрировано в российскую и мировую экономику. Продавая или обменивая скот, а нередко и хлеб, казахи имели возможность приобретать фабричные товары широкого ассортимента – от кузнецовского фарфора до швейных машинок фирмы Зингер и предметов роскоши, которые были элементами культуры казахской знати. Наибольшие возможности покупок имели зажиточные слои богатых скотоводов, самые влиятельные среди сородичей. Казахское общество рубежа XIX-XX вв. – общество, открытое для внешнего воздействия как часть общемировой системы. Аналогично открытыми, экстравертными были и самые мощные бегазы-дандыбаевские кланы, а территория их взаимодействия с инокультурным населением, обозначенная находками посуды валикового типа, – Казахстан, Западная Сибирь до

⁷ Один из любителей старины долго убеждал меня в русской принадлежности многочисленных развалин построек из камня и дерна на берегах р. Нуры и её притоков. Основание: на руинах найдены царские монеты, куски самоварной латуни и кузнецовский фарфор.

широты г. Тобольска, значительная часть Средней Азии и Синьцзяна.

Из сказанного выше следует, что адекватная интерпретация археологических находок требует учитывать конкретные социальные и экономические условия жизни социума, оставившего анализируемые памятники. Второй вывод касается информационных возможностей археологических источников для доказательства миграций. Думается, что керамика, как и вообще материалы портативного свойства, могут рассматриваться как аргументы миграции лишь в контексте источников. Гораздо объективнее в этом смысле погребальный обряд, каменные изваяния, петроглифы и др., которые могут появиться на новой территории только с носителями соответствующих традиций.

Население Сарыарки и большей части степей Казахстана в период поздней бронзы сформировало культуру с традицией изготовления посуды валикового типа. В результате межкультурных контактов, характер которых – тема отдельного исследования, на территорию БДК попадала посуда андроновская и среднеазиатская. Экономическая ситуация и другие факторы способствовали выделению элиты, археологическими памятниками которой являются мавзолеи БДК.

Памятники валиковой гончарной традиции на севере Казахстана, степном и лесостепном Алтае относят к саргаринской или саргаринско-алексеевской культуре (Зданович С.Я., 1974; Ситников С.М., 2002), в Восточном Казахстане сравнительно недавно выделена трушниковская культура (Ткачева Н.А., 1997, с. 184; Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 2008, с. 283-288). Элементарное сравнение памятников на указанных территориях показывает их безусловное культурное единство с учетом локальных и этнографических различий. Поэтому разумно выделять одну культуру. Но под каким названием? Сложилась парадоксальная терминологическая ситуация. Эпонимные памятники могильник и поселение Саргары на р.Жабай у г. Атбасар остаются не опубликованными 35 лет, их материалы не введены в научный оборот, не доступны для археологических интерпретаций. Поселение Алексеевское, раскопанное в 30-гг. XX в. на р.Тобол у современного г. Рудного – памятник многослойный, помимо валиковой керамики содержит андроновские материалы⁸, находки из него слабо стратифицированы и не могут служить эталоном в изучении иных объектов. Но, одновременно с раскопками О.А. Кривцовой-Граковой у Алексеевки М.П. Грязнов раскопал могильник Дандыбай – памятник валиковой культуры в Центральном Казахстане. Материалы Дандыбая были опубликованы в 1935 г. (Рыков П.С., 1935), Алексеевский культурный комплекс только в 1948 г., спустя 13 лет (Кривцова-Гракова О.А., 1948). Поэтому, исходя из правила научного приоритета, культуру валиковой керамики Казахстана и Алтая следует называть дандыбаевской. Устоявшаяся форма названия – бегазы-дандыбаевская культура. Будет справедливым

⁸ Открытие однослойного жилища на поселении Алексеевка (Евдокимов В.В., 1975) не меняет ситуации.

понимать под этим термином культуру валиковой керамики, занимавшую пространство Казахстана и юга Западной Сибири.

Феноменальный облик центрально-казахстанского варианта этой культуры сформировался в результате процессов социально-экономической дифференциации общества. Итогом этой дифференциации стало появление культуры элиты или субкультуры при сохранении общей (народной) культуры. Это распространенное явление в обществах, достигших стадии классовообразования, когда возникают различия в материальных и идеологических ценностях рядового населения и социально доминирующей элиты, а новации и инновации престижного значения становятся частью субкультуры. Они часто проявляются в форме оппозиции народной культуры и культуры субсоциума (Арутюнов С.А., 1989. С.129-133). Особые компоненты культуры бегазы-дандыбаевского элитного субсоциума, известные в археологическом состоянии, составляют поселения протогородского типа площадью до 30 га, погребальные сооружения мавзолейного типа с подчеркнутым обилием инвентаря и захоронениями на уровне материка, керамика суперстратного происхождения, типологически и категориально расширенный сортамент металлических изделий, каменные сосуды, резные изделия из кости и рога и др.

Культура рядового населения БДК представлена поселениями небольших размеров и могильниками Айдарлы (Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966), Саргары (Зданович С.Я., Малютин Т.С., 1975), Жукей I и Жукей II (Мартынюк О.И., Зданович С.Я., 1985), Актопрак (Ткачев А.А., 1989), Тегисжол и Темиркаш (Варфоломеев В.В., 2007), а также отдельными погребениями.

Культурная и социальная дивергенция в степях Казахского мелкосопочника происходила в условиях перехода к эффективному отгонно-жайлажному скотоводству, узурпации социально-доминирующими группами функций редистрибуции в сфере металлургического производства и интенсивных межкультурных контактов. Территория распространения памятников субкультуры не случайно совпадает с казахстанским (саргаринским) металлургическим очагом, в котором производилось огромное количество металла. Мнение об упадке саргаринского металлопроизводства (Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., 1988, с. 13) справедливо лишь в отношении общин рядового населения, обитавших в небольших поселках – Саргары, Ильинка, Петровка II, Копа I, Улытауское, Усть-Кенетай и др. Обитатели этих рядовых поселков не имели свободного доступа к источникам металла и испытывали его дефицит. На крупных поселениях площадью 7-30 га (Шортанды-Булак, Мыржик, Кент) металл встречается часто и сопровождается находками импортной керамики. Такое сочетание признаков указывает и на масштабное производство металла, и на его внешнего потребителя, и на характер производственных отношений. Контроль над производством и распределением металла и изделий из него стал источником роста благосостояния и социального престижа отдельных общин бегазы-дандыбаевцев, составлявших верхний ярус социума. В этом

плане показательны материалы поселения Атасу I. При явно выраженной металлургической направленности занятий его обитателей, на памятнике мизерное количество бегазинской (суперстратной) керамики. Вероятно, жители Атасуского поселения только производили металл. Распределяли его, в том числе и на уровне межкультурного обмена, лидеры доминирующих кланов.

Выделение субкультуры как особого социального компонента одной культуры помогает оценить специфику и масштабы взаимодействия бегазы-дандыбаевского населения Казахстана и юга Западной Сибири со своими соседями. Соответственно керамическим импортам на территории БДК, валиковая керамика присутствует в памятниках андронидных культур и не только в лесостепи, но и в предтаежной зоне (Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995, с. 64; рис. 37; Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997, рис. 9; Генинг В.Ф., Стефанов В.И. 1993). Отчетливо фиксируется взаимодействие носителей БДК с теми культурами, создатели которых не имели собственных минеральных и рудных ресурсов и получали металл извне. В Западной Сибири это еловская, пахомовская, сузгунская, бархатовская, ирменская⁹ культуры. Керамика этих андронидных культурных образований представлена и в памятниках Сарыарки. На юге потребителями центрально-казахстанского металла могли быть амирабадские племена и их более южные соседи, применявшие гончарный круг, что подтверждают находки станковой керамики на поселениях кентского типа и валиковой керамики в Средней Азии и южнее (Кузьмина Е.Е., 2008).

Нельзя исключать и военного характера взаимодействия. Выделение социальной элиты могло сопровождаться её активными военными походами с целью обогащения и свершения подвигов, как актов престижа. Бегазы-дандыбаевская культура – наиболее мощный очаг социо- и политогенеза периода поздней бронзы к востоку от Урала. Многие аспекты этой культуры (социальная дифференциация, милитаризованность элиты, межкультурное взаимодействие, появление протогородов) имеют параллели в обществах более поздних и указывают на высокий уровень цивилизационного развития.

Формат статьи не позволяет ответить на все вопросы, осветить все проблемы, связанные с бегазы-дандыбаевской культурой. Да автор и не ставил такую задачу. Но продолжение исследований в намеченном кратком абрисе направлении представляется наиболее перспективным для археологических и исторических реконструкций в аридном пространстве Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

⁹ Памятники западного ареала.

Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979. – 26 с.

Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1953. – 18 с.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент, 1973. – 231 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. – Алматы, 2008. – 112 с.

Бобров В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 9-13.

Бородовский А.П., Софеев О.В., Колонцов С.В. Материалы эпохи поздней бронзы из северной Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С. 14-16.

Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (13), 2003.

Бутинов Н.А. Билбил и Ябоб – центры гончарного производства на Берегу Маклая // На Берегу Маклая (этнографические очерки). – М., Наука, 1975. – С. 258-268.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 179 с.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience>.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56-68

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 76-84.

Варфоломеев В.В. Сарыарка в конце бронзовой эпохи. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991. – 21 с.

Варфоломеев В.В. К вопросу о «мощном миграционном потоке бегазы-дандыбаевских племен» // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003а. – С. 60-65.

Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги социокультурного анализа памятников Восточной Сарыарки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. – Астана, 2003б. – С. 88-99.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы, 2004. С. 181-202.

Варфоломеев В.В. Погребения культуры валиковой керамики в урочище Темиркаш // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007». – Актобе, 2007. – С. 50-57.

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. – С. 126-151.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века Лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – С. 67-111.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА, №XVI, 1952. – С. 129-162.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК, вып. 64, 1956. – С. 27-42.

Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А. Карасукская культура // История Сибири. Т. 1. – Л., 1968. – С. 180-187.

Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 200 с.

Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА, 1975, №1. – С. 163-168.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. – 138 с.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск, 1980. – С. 41-51.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – С. 64-94.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1984. – С. 3-23.

Зданович Г.Б., Шрейбер В.К., Переходные этапы в археологии: аспекты исследования (по материалам СКВЭ-УКАЭ) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С.3-19.

Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. – Караганда, 1974. – С. 317-321.

Зданович С.Я., Малютин Т.С. Саргары – культурный комплекс финальной бронзы // АО-1974. – М., 1975. – С. 488,489.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. М., 1977. – 144 с.

Исмагил Р.Б. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. Вып.1. – Уфа, 1998. – С. 3-7.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. – 240 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М., 2001. – 295 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алматы, 1992. – 247 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 643 с.

Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // STRATUM plus. Международный археологический журнал. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса. – 1999, № 1. – С. 52-71.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА, №4, 1980. – С. 140-153.

Комиссаров С.А. Могильник Балчир в Южном Притяньшанье, Синьцзян, КНР (в контексте перехода от поздней бронзы к раннему железу) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. – Барнаул, 2003. – С. 70–74.

Кореняко В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА, №2, 1990. – С. 28-40.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тобло-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1991. – С. 70-92.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. 1948. Вып. 17. – С. 57-172.

Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА, 1970. Вып. 122. – С. 44-48.

Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 16-24.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – 464 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.-СПб., 2008. – 558 с.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА, 1977, № 2. – С.69-86.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115-129.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 48-58.

Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской степи. – Самара, 1991. – С. 141-162.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 с.

Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 142-152.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993. – 180 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. Вып. 12. – 196 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. – Омск, 2001. – 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 468 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. – Омск, 2006. – 120 с.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.73-82.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып.3. – Новосибирск, 1981. – С. 15-17.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск. 1998, т. IV. – С. 286-289.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху бронзы // Маргулановские чтения-1990. Сборник материалов конференции. Ч.1. – М., 1992. – С. 93–97.

Молодин В., Ромащенко А. Палеогенетический анализ генофонда древнего населения Сибири // Наука в Сибири. № 49 (2235), 17 декабря 1999 г. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml>

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М., 1970. – 192 с.

Ольховский В.С. Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и раннего железа // Маргулановские чтения 1990 г. Часть 1. – Москва-Алма-Ата, 1992. – С. 30-32.

Поляков А.В. Периодизация «классического этапа» карасукской культуры (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 26 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце бронзовой эпохи (по материалам Чудской горы). М., 1995. – 107 с.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. 1935. Вып. 110. – С. 40-68.

Семенов Л.Ф. Краткий отчет об археологических раскопках у центральной усадьбы колхоза «Комсомол» Каркаралинского района. Урочище «Энбек-Суйгуш». – Архив Карагандинского областного историко-краеведческого музея. Книга археологического фонда. Инв. № 1745.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 21 с.

Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Выпуск 2. – Алматы-Москва, 1998. – С. 142-151.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск. 1997. – С. 162-198.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. – М., 1982. – с. 89-145.

Тихонов С.С. О связях населения Центрального Казахстана и Верхнего Приобья // Проблемы археологии Степной Евразии. Ч.1. – Кемерово, 1987. – с. 97,98.

Ткачев А.А. Новые погребальные памятники поздней бронзы – средневековья Сарыарки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. – С.85-113.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблемы происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – С. 371-378.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. – 304 с.

Удодов В.С. Роль бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. – С. 84-92.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы-Москва, 1998. – С. 46-60.

Федорова Н.В. Исследования на городище Подчеваш у г. Тобольска // Из истории Сибири. Вып.15. – Томск, 1974. – С. 31-35.

Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы. Автореф. дисс. ...

канд.ист.наук. – Барнаул, 2006. – 22 с.

Хаврин С. В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. – № 8. – СПб., 1994. С. 104-113.

Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. – Л., 1983. – 242 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА № 88. – М: Наука, 1960. – 271 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81-99.

Черных Е.Н. Общность культур валиковой керамики (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. – М., 1984. –С. 246-258.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. МИА, №182. 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. О культурной и этнической общности карасукской и других культур Евразии // Хронология памятников карасукской эпохи. МИА, №182. 1972а. – С. 131-135.

В.В. Варфоломеев
г. Караганда, Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова